

УДК 343.2

**ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТАХ
В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ¹**

Наталья Александровна Егорова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

egonatalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены возможные изменения в основополагающих институтах российского уголовного права (уголовный закон и преступление), обусловленные необходимостью усиления защиты стратегических национальных приоритетов России в связи с особенностями текущей ситуации в стране и в мире.

Отмечено, что в период действия Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ российское уголовное законодательство не было полностью кодифицированным. Однако, признав данный закон утратившим силу с одновременным введением аналогичных норм в Уголовный кодекс Российской Федерации, законодатель продемонстрировал свою приверженность принципу полной кодификации уголовного законодательства. Такой подход заслуживает поддержки, при этом логичным было бы создание в Общей части уголовного закона самостоятельной главы об особенностях уголовной ответственности и наказания упомянутых в данном законе категорий лиц.

Все большее распространение в уголовном законодательстве административной преюдиции, по мысли автора, можно «примирить» с идеей уголовного проступка: для этого необходимо признать уголовным проступком только деяния с административной преюдицией, закрепив соответствующую норму в уголовном законе.

Ключевые слова: национальные приоритеты, институт уголовного права, уголовный закон, преступление, уголовный проступок, административная преюдиция

Для цитирования: Егорова Н. А. Изменения в уголовно-правовых институтах в контексте достижения национальных приоритетов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 16—23.

**AMENDMENTS OF CRIMINAL LAW INSTITUTIONS
IN THE CONTEXT OF NATIONAL PRIORITIES ACHIEVEMENT**

Natalia Alexandrovna Yegorova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. The article analyzes possible amendments of the fundamental institutions of the Russian criminal law (criminal law and crime) caused to the need to strengthen the protection of the strategic national priorities of Russia in the context of the specifics of the current situation in the country and in the world.

It is marked that criminal legislation of the Russian Federation has not been fully codified, while the Federal Law "On the specifics of criminal responsibility of persons involved to participate in a special military operation" dated 24 June, 2023 No. 270-FZ is valid. However, having recognized this law to lose force with the simultaneous introduction of similar norms into the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator demonstrated commitment to the principle of complete codification of criminal legislation. This approach deserves to be supported, while it would be logical to develop an independent chapter on the specifics of criminal liability and punishment for mentioned in this law categories of persons in the General part of the criminal law.

---

¹ Основные положения данной статьи были освещены автором в докладе на международной научно-практической конференции — II Научных чтениях, посвященных памяти профессора М. Н. Гернета «Уголовная политика и национальные приоритеты» (г. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 23 октября 2024 г.).

© Егорова Н. А., 2025

According to the author's opinion, increasing application of administrative prejudice in the criminal legislation can "reconcile" it with the idea of a criminal offense: for this purpose it is necessary to recognize the acts with administrative prejudice to be criminal offenses by fixing this norm in the criminal law.

Key words: national priorities, criminal law institute, criminal law, crime, criminal offense, administrative prejudice

For citation: Yegorova N. A. Amendments of criminal law institutions in the context of national priorities achievement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 16—23, 2025. (In Russ.).

В пункте 26 Стратегии национальной безопасности (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400)¹ закреплены следующие стратегические национальные приоритеты России: 1) сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; 2) оборона страны; 3) государственная и общественная безопасность; 4) информационная безопасность; 5) экономическая безопасность; 6) научно-технологическое развитие; 7) экологическая безопасность и рациональное природопользование; 8) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; 9) стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество. Первые три пункта в данном списке занимают ключевые приоритеты (народосбережение, оборона, безопасность общества и государства в целом), от которых остальные, как представляется, производны.

Необходимостью усиления защиты приоритетов современной России, закрепленных в указанном программном документе, обусловлены некоторые изменения в таких фундаментальных институтах уголовного права, как уголовный закон и преступление.

Настоятельной потребностью в укреплении обороны страны, государственной и общественной безопасности было вызвано принятие Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ (далее — ФЗ № 270). В статьях 1—6 ФЗ № 270 содержались уголовно-правовые нормы, отсутствовавшие в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), которые применялись наряду с УК РФ до признания ФЗ № 270 утратившим силу и введения в действие Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Феде-

рации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ (далее — ФЗ № 64), которым в УК РФ были внесены дополнения (введены ст. 78.1, ныне действующая в редакции Федерального закона «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ, ст. 80.2, ст. 86 дополнена частью 3.1).

Положение о полной кодификации (ч. 1 ст. 1 УК РФ) — один из постулатов такого уголовно-правового института, как уголовный закон [1, с. 33] (закрепленного в главах 1 и 2 УК РФ). По этой причине представители научной общественности подвергли критике ФЗ № 270, рассчитывая на скорейшее включение его положений в УК РФ [2]. Но это произошло только весной 2024 г. — предположительно, потому, что уголовно-правовые нормы, содержащиеся в ФЗ № 270, воспринимались как временные в связи с проведением специальной военной операции (далее — СВО).

Поскольку в период действия ФЗ № 270 к уголовному законодательству РФ относился не только УК РФ, но и упомянутый федеральный закон, институт уголовного закона обрел иные очертания, ведь российское уголовное законодательство в указанный период, вопреки ч. 1 ст. 1 УК РФ, не являлось полностью кодифицированным. Примечательно, что аналогичные федеральные законы, действующие параллельно УК РФ 1996 г., до ФЗ № 270 в России не принимались.

В недавнем прошлом «подрывала» принцип полной кодификации уголовного законодательства России норма ч. 3 ст. 331 УК РФ, содержавшая отсылку к законодательству РФ военного времени об ответственности за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке [3, с. 20—21]. В 2022 г. (Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ)

¹ Если не указано иное, доступ ко всем упомянутым в настоящей статье нормативным правовым и правоприменительным актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

данная норма была признана утратившей силу. Тем самым законодатель, несмотря на фактическое ведение Россией военных действий, признал невозможность существования за пределами УК РФ уголовного законодательства военного времени и сопоставимых с военным временем периодов.

Может ли в будущем повториться подобное, т. е. принятие и введение в действие федерального закона, содержащего уголовно-правовые нормы, не включенные в УК РФ? Учитывая особенности сложившейся внутри- и внешнеполитической ситуации, полностью исключить такое нельзя. Однако пример утратившего силу ФЗ № 270 с одновременным введением соответствующих норм в кодифицированный источник права (УК РФ) демонстрирует *приверженность законодателя принципу полной кодификации уголовного законодательства*.

Поэтому пока есть основания полагать, что рассмотренные изменения института уголовного закона (в части отступления от его полной кодификации), хотя и стали ответной реакцией власти на участие России в вооруженном конфликте, имели преходящий характер.

Представляется, что в дальнейшем целесообразно создание в Общей части УК РФ отдельной главы, посвященной особенностям уголовной ответственности и наказания указанных категорий лиц, а именно: 1) совершивших преступления и призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации; 2) совершивших преступления и заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации; 3) совершивших преступления в период прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

Временный характер подобных норм не препятствует их появлению в кодифицированном источнике уголовного права. С изменением внутри- и внешнеполитической обстановки соответствующие статьи и даже более крупные структурные элементы УК РФ могут быть оперативно из него исключены.

Другой ведущий институт уголовного права — *преступление* — в последние годы претерпевает более длительную и серьезную трансформацию. Это выражается, во-первых, в возрождении и все более широком распространении в УК РФ админи-

стративной преюдиции, означающей придание свойств преступления повторно совершенному административному правонарушению, которое само по себе не обладает достаточной для криминализации степенью общественной опасности [4, с. 69]. Под вопросом оказывается главный материальный признак преступления (общественная опасность) [5, с. 111—114], так как во главу угла ставится повторение деяния после привлечения к юридической ответственности, а объективные показатели общественной опасности преступления — объект и общественно опасные последствия посягательства [6, с. 141] — игнорируются.

Во-вторых, традиционное понимание преступления значительно поколеблено предложениями о введении в уголовное право России понятия «уголовный проступок». Против данной идеи, которая пока не воплощена в жизнь, но активно продвигается Верховным Судом Российской Федерации, также высказан аргумент об отсутствии у такого деяния (проступка) общественной опасности [5, с. 115—117].

Начнем с административной преюдиции. Подробный разбор доводов за и против ее существования в уголовном законе не входит в задачи данной статьи. При всей логичности и последовательности суждений противников данного института нельзя не отметить присутствие здравого смысла и в позициях сторонников административной преюдиции. Так, В. П. Малков отмечал: «Законодатель нашей страны на основе изучения тенденций в определенных сферах социально-экономической жизни *приходит к убеждению о целесообразности* (курсив наш. — Н. Е.) прибегнуть к противодействию совершению тех или иных деяний более острыми средствами, чем административное или дисциплинарное воздействие, в частности уголовным наказанием. Поэтому он вправе запретить в качестве преступного то или иное деяние *при наличии необходимых предпосылок* (курсив наш. — Н. Е.) с использованием административной либо дисциплинарной преюдиции, а равно и того или иного вида повторности, а также без использования преюдиции» [7, с. 60].

В связи с этим нельзя не отметить, что общественная опасность деяния как основополагающий признак преступления, анализируемая, так сказать, «извне», не может быть полностью объективным феноменом — субъективная оценка поведения как общественно опасного, данная законодателем, правоприменителем или иными лицами, присутствует всегда [8, с. 113]. Рассматриваемая

«изнутри», общественная опасность деяния также предопределяется не только объективными, но и субъективными его свойствами [9, с. 54; 10, с. 52].

Следует согласиться с тем, что уголовно-правовые нормы с административной преюдицией обладают определенным превентивным потенциалом: перспектива привлечения к уголовной ответственности способна удержать правонарушителя от повторного совершения административного проступка [7, с. 60—61]. Кроме того, установление уголовно-правовых запретов с административной преюдицией позволяет власти оперативно реагировать на новые угрозы, опасность которых в данных условиях очевидна, но при этом не поддается точному измерению (а именно так бывает в переломные моменты истории государства). Немаловажно и то, что при помощи такого инструмента, как административная преюдиция, возможна, образно говоря, «мягкая» криминализация деяний, способных причинить вред практически любым национальным приоритетам. Об этом свидетельствует присутствие норм с административной преюдицией в большинстве (12 из 19) глав Особенной части УК РФ, т. е. нормы с административной преюдицией выступают средством охраны таких общественных отношений, как телесная неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних, собственность, экономическая деятельность, общественная и государственная (в том числе информационная) безопасность, государственная власть. Но, конечно, появление таких норм в УК РФ всегда имеет выраженный уголовно-политический подтекст.

Одновременно с экспансией административной преюдиции продолжает активно обсуждаться тезис о необходимости внедрения в российское уголовное право понятия «уголовный проступок». Данной проблеме было уделено пристальное внимание на всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в Верховном Суде Российской Федерации 2 марта 2017 г.

Два разработанных Верховным Судом Российской Федерации законопроекта (2017 и 2020 гг.), в которых предлагались пути реализации данной идеи, не получили поддержки законодателя. Проект от 31 октября 2017 г. (законопроект № 612292-7, далее — Проект 2017 г.) был внесен в Государственную Думу Российской Федерации 20 декабря 2018 г., 11 ноября 2020 г. снят с рассмотрения (отозван)¹. Проект от 13 октября 2020 г. (законо-

проект № 1112019-7, далее — Проект 2020 г.) внесен в высший законодательный орган 15 февраля 2021 г., после рассмотрения в первом чтении возвращен субъекту права законодательной инициативы 24 июня 2024 г.²

В Проекте 2017 г. уголовный проступок считался разновидностью (подкатегорией) преступлений небольшой тяжести («Преступление небольшой тяжести, за которое настоящим Кодексом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признается уголовным проступком», — так предлагалось дополнить ч. 2 ст. 15 УК РФ).

Именно такой подход (существование уголовного проступка в пределах указанной категории преступлений) считался в науке преобладающим [11, с. 45; 12].

Другие научные позиции также не затрагивают юридическую природу уголовного проступка: «превращение» в уголовные проступки ряда малозначительных деяний [13, с. 24, 330—331] и всех преступлений небольшой тяжести (и частично — преступлений средней тяжести) с разделением остальных уголовно наказуемых деяний (преступлений) на три категории [14, с. 133; 15, с. 66—67]; рассмотрение уголовных проступков как деяний, занимающих промежуточное положение между преступлениями и малозначительными деяниями, либо в качестве отдельной категории преступлений [16, с. 143] (пятой, наряду с уже имеющимися четырьмя [17, с. 209]).

В Проекте 2020 г. содержание понятия «уголовный проступок» несколько иное (ст. 15.1 УК РФ) — к уголовным проступкам отнесены 1) совершенные впервые преступления небольшой тяжести, за которые не предусмотрено наказание в виде лишения свободы (кроме 14 преступлений против телесной неприкосновенности, здоровья, в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности, против военной службы); 2) совершенные впервые преступления небольшой тяжести, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы (7 преступлений против собственности); 3) совершенные впервые преступления небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности (предусмотренные 20 статьями Особенной части УК РФ).

Объединяет два упомянутых проекта то, что ни в одном из них уголовный проступок не наделен *сущностными* отличиями от преступления, харак-

¹ Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 16.10.2024).

² Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7#bh_histras (дата обращения: 16.10.2024).

теризующими проступок как *деяние*. В связи с этим понятие «уголовный проступок» было не чем иным, как условностью, возникал вопрос о принципиальной необходимости его введения, и сам собой напрашивался ответ о ненужности такого «излишества». Ведь в российском уголовном законе раскрыто единственное для обозначения уголовно наказуемых деяний понятие преступления и закреплена категоризация преступлений, в которой уголовному проступку не отведено самостоятельное место.

Вместе с тем авторы обоих законопроектов перевели в число уголовных проступков весьма внушительное количество преступлений (в Проекте 2017 г. порядка сотни, в Проекте 2020 г. — уже 112).

Еще один немаловажный момент: согласно обоим проектам, будучи преступлением и не обладая отличительными особенностями деяния, уголовный проступок лишен такого свойства преступления, как наказуемость (см. ст. 76.2 проектов 2017 г. и 2020 г.). Вместо наказания разработчики проектов предлагали в обязательном порядке освобождать субъектов уголовных проступков от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера, которые по сути (а в Проекте 2017 г. — и по названиям) ничем не отличались от обязательных и исправительных работ.

Указанным двум законопроектам посвящены многочисленные научные публикации, в которых гипотетическое введение в российское право уголовного проступка оценивается неоднозначно. Как бы то ни было, отсутствие у уголовного проступка своей «ниши» в уголовном законодательстве, чрезмерно широкий круг деяний, относимых к уголовным проступкам, императивно закреплённая безнаказанность лиц, их совершающих, — вот причины, по которым, на наш взгляд, у подобных правовых конструкций нет будущего.

Есть и более частные факторы, препятствующие внедрению в российское уголовное право уголовного проступка в предложенном виде. Так, можно согласиться с тем, что существует опасность смешения предметов правового регулирования уголовного и иных отраслей (прежде всего административного) права [18, с. 83], что в указанных проектах проблема уголовного проступка фактически сведена к вопросу об освобождении от уголовной ответственности [19, с. 152].

Примечательно различное отношение в научной среде к административной преюдиции и уголовному проступку при их рассмотрении в качест-

ве возможных ориентиров развития отечественного уголовного права. Одни ученые негативно оценивают оба эти явления [20, с. 72]; другие положительно относятся лишь к одному из них [15, с. 67—68; 21, с. 92]; третьи допускают существование в уголовном праве России и того, и другого [22; 23, с. 347].

Интересна позиция Верховного Суда Российской Федерации: выступая за введение уголовного проступка и признавая не противоречащим Конституции Российской Федерации существование административной преюдиции¹, высшая судебная инстанция четко разделяет эти два явления, считая неприемлемым отнесение к уголовным проступкам деяний с административной преюдицией².

Более перспективным видится поиск точек соприкосновения у административной преюдиции и уголовного проступка. Так, в литературе высказано предположение о вероятности развития административной преюдиции «в рамках института уголовного проступка» [22, с. 28].

По нашему мнению, уголовный проступок мог бы относительно безболезненно занять место в уголовном праве России, если бы субъект правотворчества принял решение *считать уголовными проступками только запрещенные УК РФ деяния с административной преюдицией*. Последняя могла бы стать своего рода мостом между административно-правовым и уголовно-правовым запретами. Действительно, деяние с административной преюдицией имеет двойственную юридическую природу, занимая промежуточное место между преступлением и проступком. Это не отдельная категория преступлений либо ее часть, не группа преступлений, представленная в виде перечня (как

¹ См., напр., абз. 3 и 4 п. 4.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина»; абз. 1 п. 4 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой».

² См., напр.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7#bh_histras (дата обращения: 08.11.2024).

в упомянутых законопроектах), а *самостоятельное уголовно-правовое явление*. Оно самостоятельное именно потому, что полностью не вписывается в «черно-белую» дихотомию «преступное — непроступное», на которой настаивают противники административной преюдиции и уголовного проступка [20, с. 69].

Не оспаривая присутствие значительной доли субъективизма законодателя при выборе административных правонарушений, которые при их повторном совершении заслуживают применения мер уголовно-правовой репрессии, отметим, что в сложные периоды жизни общества и государства и в конкретных криминальных реалиях это может быть оправданным.

Исходя из этого, следовало бы определить *уголовный проступок* (возможно, в гипотетической ст. 14.1 УК РФ) как *общественно опасное (все же!) деяние, виновно совершенное лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности, запрещенное УК РФ под угрозой наказания*.

С одной стороны, это поведение, обладающее всеми признаками административного правонарушения. С другой стороны, общественно опасный характер такого деяния объясняется повторным совершением административного правонарушения, которое на данном этапе развития общества законодатель признал заслуживающим мер уголовно-правового воздействия. Иными словами, отягощенность деяния предшествующим аналогичным поведением обуславливает криминализацию данного деяния.

Отталкиваясь от этой отправной точки, можно было бы решать более частные вопросы (упорядочение нормативного материала, относящегося к уголовным проступкам, конструирование санкций за данные уголовно наказуемые деяния и др.). Так, требующим глубокого изучения видится подход, когда деяние с административной преюдицией признается преступлением средней тяжести (см., напр., ч. 1 ст. 282 УК РФ) и даже тяжким преступлением (см., напр., ч. 1 ст. 201.2, ст. 201.3, ч. 1 ст. 285.5, ст. 285.6 УК РФ), минуя предшествующие категории преступлений. Подобные деяния, даже совершенные впервые, скорее всего, должны быть криминализованы, либо нужны очень веские основания для перевода их при повторном совершении сразу в разряд более серьезных преступлений.

В перспективе, с отказом законодателя от административной преюдиции, если таковое произойдет (как это уже было в первоначальной редакции УК РФ 1996 г.), должен исчезнуть и уголовный проступок.

Идеи, созвучные изложенным, уже высказывались в научных публикациях. В частности, предлагалось «заменить» институт административной преюдиции институтом уголовного проступка [24, с. 54, 60]. Такой подход выглядит не вполне корректным. Во-первых, если административная преюдиция мыслится как один из отличительных критериев уголовного проступка, то вряд ли следует говорить о замене одного другим. Во-вторых, помимо деяний с административной преюдицией, к уголовным проступкам учеными предлагается отнести и другие преступления, не обладающие большой общественной опасностью (с чем мы не согласны), т. е. о какой-то «замене» также речь не идет [24, с. 59—61].

Столь же дискуссионна точка зрения о необходимости преобразования преступлений с административной преюдицией в уголовные проступки при сохранении уголовных проступков в системе категорий преступлений как некой пятой категории, а также о замене административной преюдиции на уголовно-правовую [17, с. 209—210]. Как уже отмечалось, уголовный проступок не есть особая категория преступлений. Уголовно-правовая преюдиция в трактовке упомянутых авторов (т. е. признание преступлением уголовного проступка, повторно совершенного лицом, имеющим судимость за ранее совершенное аналогичное деяние) — не что иное, как разновидность специального рецидива преступлений, никакой отраслевой спецификой уголовный проступок при этом не обладает.

Предложенный же нами вариант позволил бы использовать возможности административной преюдиции как гибкого инструмента, не затрагивая понятия преступления, без создания отдельного кодекса уголовных проступков и внесения масштабных изменений в УК РФ.

Все сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Принцип полной кодификации уголовного законодательства России не вызывает сомнений. Как происходящие в настоящее время, так и возможные в будущем изменения в уголовном законодательстве могут быть гармонично вписаны в кодифицированный источник права (УК РФ) без создания параллельно действующих уголовных законов.

2. Нет необходимости в пересмотре и такого базового института, как преступление. Введение уголовного проступка не затронет его основ, если признать уголовным проступком общественно опасное деяние, виновно совершенное лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

1. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2016. 864 с.

2. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 45—52.

3. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022—2024 гг.): монография / под общ. ред. Р. В. Закомолдина. Самара: Самарама, 2024. 260 с.

4. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64—71.

5. Верина Г. В. Ревизия законодательной концепции преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1. С. 109—120.

6. Кленова Т. В. Общественная опасность — истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 136—144.

7. Малков В. П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 58—64.

8. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2016. 600 с.

9. Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. Изд. проф. Малинина. Санкт-Петербург, 2005. 522 с.

10. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50—53.

11. Звечаровский И. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 43—46.

12. Наумов А. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4. С. 93—97.

13. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СГЮА, 2022. 428 с.

14. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 115—139.

15. Кибальник А. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65—68.

1. Criminal law of Russia. General part. Red. by F. R. Sundurov, I. A. Tarkhanov. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Statute; 2016: 864. (In Russ.).

2. Rarog A. I. Military-criminal law of Russia: condition and prospects. Law-governed state: theory and practice, 45—52, 2023. (In Russ.).

3. Militarization and mobilization of the Criminal Code of the Russian Federation (2022—2024). Monograph. Red. by R. V. Zakomoldin. Samara: Samarama; 2024: 260. (In Russ.).

4. Lopashenko N. A. Say "no" to administrative prejudice in criminal law! Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 64—71, 2011. (In Russ.).

5. Verina G. V. Revision of the legislative concept of a crime. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 109—120, 2020. (In Russ.).

6. Klenova T. V. Public danger is the true property of the crime. The library of criminalist, 136—144, 2013. (In Russ.).

7. Malkov V. P. Administrative prejudice: "for" and "against". Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 58—64, 2011. (In Russ.).

8. Criminal law. General part. Crime. Academic course. In 10 vols. Vol. V. Concept of Crime. Corpus delicti. Red. by N. A. Lopashenko. Moscow: YurLitinform; 2016: 600. (In Russ.).

9. Encyclopedia of criminal law. Vol. 3. Concept of crime. Published by prof. Malinin. Saint Petersburg; 2005: 522. (In Russ.).

10. Ivanchin A. On the benefits of reasonable applying administrative prejudice in criminal law (in connection with the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10 February, 2017 No. 2-P). Criminal law, 50—53, 2017. (In Russ.).

11. Zvecharovsky I. The category of "criminal offence" in the context of liberalization of the criminal policy of Russia. Criminal law, 43—46, 2017. (In Russ.).

12. Naumov A. Criminal misdemeanor as a minor offence. Criminal law, 93—97, 2017. (In Russ.).

13. Gerasimov A. M. Theory of criminal offense. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov: the Saratov State Law Academy; 2022: 428. (In Russ.).

14. Gavrilov B. Ya., Krymov V. A., Shpagina Yu. V. Criminal offence: new facets of the Russian legislation. Law. Journal of Higher School of Economics, 115—139, 2022. (In Russ.).

15. Kibalnik A. Criminal offence and its legal consequences. Criminal law, 65—68, 2017. (In Russ.).

16. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Нужен ли Уголовному кодексу Российской Федерации уголовный проступок? // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 141—146.

17. Расторопов С. В., Верникова А. В. Введение уголовного проступка в России: за и против // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 6. С. 207—210.

18. Кругликов Л., Лапшин В. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80—84.

19. Скрипченко Н. Ю., Анощенко С. В. Уголовный проступок: объективная потребность или декларируемая необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11. С. 142—154.

20. Коробеев А., Ширшов А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68—72.

21. Лопашенко Н. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84—93.

22. Безверхов А., Денисова А. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 25—29.

23. Костерин В. В. Уголовный проступок: оценка форм воплощения и перспектив существования // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 3. С. 343—348.

24. Мурузиди А. В. От административной преюдиции к уголовному проступку // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2019. № 1. С. 54—62.

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

16. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Does the Criminal Code of the Russian Federation need a criminal offence? Journal of economic security, 141—146, 2020. (In Russ.).

17. Rastoropov S. V., Vernikova A. V. Introduction of a criminal offence into Russia: pro and con. Problems of economics and legal practice, 207—210, 2018. (In Russ.).

18. Kruglikov L., Lapshin V. On the consequences of including the category of "criminal offence" in the Russian criminal law. Criminal law, 80—84, 2017. (In Russ.).

19. Skripchenko N. Yu., Anoshchenkova S. V. Is criminal offense objective necessity or declared one? Topical problems of Russian law, 142—154, 2021. (In Russ.).

20. Korobeyev A., Shirshov A. Criminal offense through the prism of the institution of administrative prejudice: is it good or bad? Criminal law, 68—72, 2017. (In Russ.).

21. Lopashenko N. Reducing repressiveness of criminal law: proposed measures and their assessment. Criminal law, 84—93, 2017. (In Russ.).

22. Bezverkhov A., Denisova A. On formation of the institution of criminal offense in the system of the Russian criminal law. Criminal law, 25—29, 2017. (In Russ.).

23. Kosterin V. V. Criminal offense: assessment of forms of embodiment and prospects of existence. Penitentiary science, 343—348, 2020. (In Russ.).

24. Muruzidi A. V. From administrative prejudice up to criminal offense. Journal of the Samara Humanitarian Academy. Series "Law", 54—62, 2019. (In Russ.).

Yegorova Natalia Alexandrovna,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *